

Феромоны, заставляющие заливаться румянцем, смешивались с ароматом мускуса, витавшим в воздухе. Кэ Чи чувствовал, как его талию обнимает теплая и сильная рука.

Даже если Чэн Цзыянь и был очень зол и разочарован, он не причинил Кэ Чи реального вреда. Даже во сне он все еще подспудно бережно обнимал его, позволяя уткнуться в свою широкую теплую грудь.

Это было уважение и нежность, свойственные Альфе на генетическом уровне.

Кэ Чи медленно поднял взгляд на него, разглядывая его лицо в сне — беззащитное, но с легкой морщинкой между бровями, выдававшей усталость.

Своей легкомысленной фразой «Я не помню» он разозлил человека рядом, но в моменты, когда оставался один, тайно тосковал по старым временам, невольно взглядом окидывая мужественные черты Альфы.

Его нос был таким же прямым, как и раньше, брови, казалось, стали гуще, а черты лица — более жесткими, но не суровыми. Возможно, это из-за привычки всегда улыбаться людям, а также из-за двух клыков, которые сейчас не были видны, но придавали ему юношеский задор.

Кэ Чи машинально коснулся следа от укуса на своей шее — это знак, оставленный Альфой в порыве страсти. Тем не менее Чэн Цзыянь не стал настаивать и укусить его за шею, чтобы оставить метку.

Когда Альфа попадал под влияние феромонов Омеги, помимо физической близости, биологический инстинкт также толкал его на то, чтобы пометить Омегу.

В голове Кэ Чи пронеслось множество мыслей. Даже в момент эмоционального срыва во время их близости он сумел сдержать слезы, но сейчас, из-за проявления врожденной доброты и хорошего воспитания Альфы, он почувствовал, как глаза наполняются влагой, а сердце, словно заледеневшее, смягчилось.

Он действительно слишком подвел Чэн Цзыяня.

Кэ Чи тихо приподнялся, затаив дыхание, и взглянул на Чэн Цзыяня, ощущая горечь на губах. Теплые соленые слезы бесшумно скатились по щекам и впитались в мягкую подушку.

Он слегка наклонился, закрыл глаза и осторожно прикоснулся губами к подбородку Альфы, на котором уже проступила легкая щетина. В его выражении читалась огромная преданность, но едва их губы коснулись, он тут же отстранился и снова прижался к Чэн Цзыяню, произнеся слова, которые были столь тихими, что их могло разорвать даже дуновение ветерка:

— Прости.

Когда Кэ Чи приподнялся, Чэн Цзыянь уже проснулся от короткого дрема. Но когда страсти улеглись, он не знал, как ему следует себя вести и что чувствовать к человеку в своих объятиях.

Эта прекрасная роза заперла себя в невидимой клетке, и даже если ее шипы ранили ее саму до крови, она не желала показывать свою мягкую сердцевину. Чэн Цзыянь приложил много усилий, но так и не смог по-настоящему приблизиться. Усталость и утомление, смешанные со сложными чувствами, давили на его закрытые веки, заставляя его избегать моментального пробуждения, когда Кэ Чи начал двигаться.

До этого он вел себя как старший брат, заботящийся о младшем, и подсознательно не хотел видеть, как тот погружается в грязь или терпит унижения.

Но что теперь?

Их отношения давно вышли за пределы простой дружбы, они занимались тем, что делают только близкие любовники, но ни один из них не действовал из чувств влюбленного. Казалось, что это действительно было просто результатом легкомысленной фразы Кэ Чи — каждый получал то, что хотел.

Кэ Чи был готов унизиться ради денег, но что же он сам должен был получить от Кэ Чи?

Чэн Цзыянь был в замешательстве.

Если ему нужен был просто партнер для удовлетворения физических потребностей, он мог бы найти любого красивого и приятного Омегу, не испытывая при этом никаких психологических или эмоциональных обязательств.

Но это был Кэ Чи — первый Омега, которого он искренне защищал в юности. Еще десять лет назад, когда он остановился перед Кэ Чи, обойдя других детей, и встретился с его ясными и красивыми глазами, он уже не смог бы отказаться от той заботы, которая с тех пор глубоко засела в его сердце.

Когда Кэ Чи тихо приподнялся и наклонился к нему, Чэн Цзыянь мог четко почувствовать его облегченное дыхание, которое несло в себе мягкий аромат розы, и было трудно не растрогаться.

Возможно, из-за желания слегка наказать его за его поведение, он не повел Кэ Чи в ванную, зная, что его действия, лишённые нежности, причинят ему боль. Это совсем не соответствовало тому, чему его учили с детства — быть внимательным и заботливым.

Он думал, что Кэ Чи собирается уйти, но через мгновение почувствовал, как его подбородок слегка коснулся чего-то теплого и мягкого, словно он был чем-то хрупким.

Кэ Чи снова тихо прижался к нему, и он мог почувствовать, как Омега, который никогда не снимал своей защиты, проявил к нему привязанность — этот Омега, который всегда показывал свое прекрасное и яркое лицо, только сейчас осмелился выглянуть из своей крепости.

Как мягкое перо, коснувшееся поверхности озера, уже покрытого рябью, но обладающее силой, способной взволновать всю воду.

То, что Чэн Цзыянь чувствовал внутри, постепенно рассеялось, и стена, которую он с таким трудом возвел, рухнула, оставив после себя лишь дым и чувство беспомощности.

Он услышал тихое «прости» Кэ Чи.

Но что именно он имел в виду? Чувствовал ли он его разочарование или скрывал какой-то секрет, который вынуждал его так себя вести?

Даже если в голове Чэн Цзыяня и возникло множество вопросов, и он ясно понимал, что эти слова были адресованы ему, он все равно не ответил — он вдруг осознал, что Кэ Чи не хотел бы, чтобы он видел его таким.

Эта маленькая роза не понимала, насколько ее упрямство иногда раздражает, и не знала, как ее редкие проявления искренней нежности могут растрогать. Вся усталость и злость растворялись, и было трудно оставаться строгим.

Но какими теперь должны быть их отношения? И почему у Кэ Чи возникла такая большая финансовая проблема, что он был готов отказаться от всего своего достоинства и самоуважения?

Сложные и запутанные чувства заставили Чэн Цзыяня почувствовать головную боль, и он не мог в них разобраться.

Маленькая роза была невероятно красивой, но в ней было слишком много шипов. Он понимал, что эти шипы служат защитой, но чаще всего они ранили ее саму. Но сердце человека — не камень, и когда его отталкивали эти шипы, он тоже чувствовал боль. Однако он не мог сломать эту розу и оставить ее погибать в грязи.

К тому же эта роза только что тихо сняла свои шипы и показала свою мягкость, чтобы извиниться.

Чэн Цзыянь подождал еще немного, прежде чем открыть глаза. Кэ Чи все еще тихо лежал у него в объятиях, не подавая никаких признаков того, что проснулся, словно все, что он чувствовал и слышал, было иллюзией.

Чэн Цзыянь тихо вздохнул, поднял руку и нежно погладил его мягкие черные волосы. Он уже собирался поднять его, чтобы отнести в ванную, как почувствовал, как Кэ Чи слегка уклонился от его прикосновения, медленно открыл глаза, притворившись, что только что проснулся, и, словно испугавшись, отодвинулся от его объятий, опустив глаза и тихо сказав:

— Не беспокойтесь, я сам справлюсь.

Чэн Цзыянь ничего не сказал, посмотрел на него еще несколько секунд. На этот раз в нем было меньше злости, но все же он чувствовал усталость. Он не стал спрашивать, целовал ли его Кэ Чи, пока он спал, и не стал спрашивать, что он имел в виду, говоря «прости». Он лишь кивнул и сказал обычным тоном:

— Иди.

Сказав это, он не стал задерживаться, чтобы поговорить с Кэ Чи, встал, поднял свою одежду, упавшую на пол, и направился в ванную в главной спальне.

Кэ Чи смотрел на его уходящую фигуру, которая не оставляла никаких сомнений, и тихо вздохнул, но в сердце поднялось чувство сожаления.

<http://bllate.org/book/16759/1562960>